

СУДЬБА.

Автобиографическая записка А. М. Тургенева.

Герцогъ Александръ Виртембергскій *), считая себя самымъ великимъ человѣкомъ и во всѣхъ наукахъ, художествахъ всесвѣдущимъ, учредилъ въ пожалованномъ ему въ Курляндіи имѣніи, принадлежавшемъ герцогу Курляндскому, называемомъ Гриньгофъ, хозяйство, по собственно изобрѣтенной имъ системѣ, которая, въ короткое время управленія его, ограничила до того доходы его высочества, что знаменитому изобрѣтателю нечѣмъ было содержать себя, и онъ находился въ затруднительномъ положеніи.

Дружба Императрицы Елисаветы съ герцогинею Антуаннетою, супругою герцога, спасла отъ банкротства его высочество. Елисавета дала герцогинѣ много брилліантовыхъ украшеній для залога въ С.-Петербургскій ломбардъ: въ 150 тыс. руб. были брилліанты заложены. Много стоило труда герцогинѣ убѣдить искуснѣйшаго хозяина, что система его никуда не годится, и онъ ничего въ домоводствѣ не понимаетъ. Но когда дошло до того, что не на что содержать себя, и въ заемъ дать денегъ никто не соглашается, его высочество хотя и не согласился въ томъ, что придуманная имъ система хозяйства не есть лучшая въ цѣломъ мірѣ, однакоже уважилъ убѣжденія супруги своей, отдалъ имѣніе Гриньгофъ въ арендное содержаніе какому-то Мейеру. Арендаторъ платилъ герцогу сто тысячъ рублей серебромъ въ годъ.

Въ концѣ 1811 года Императрица убѣдительноше просила герцогиню выкупить заложенные брилліанты, потому что вдовствующая Императрица провѣдала, гдѣ брилліанты находятся, и требовала или просила Государыню (царскихъ соотношеній не вѣдаю, какъ что между ними водится) этими брилліантами украсить Русскій нарядъ въ маскарадъ шестого Генваря, который въ царствованіе Александра всегда въ этотъ день давали при дворѣ для всѣхъ жителей Петербурга.

Долго арендаторъ герцоговъ медлилъ, не везъ денегъ; его высочество и наиболѣе герцогиня были въ сокрушеніи. Въ Витебскѣ, да

*) Родной братъ Императрицы Маріи Феодоровны (сынъ Фридриха-Евгенія владѣт. герцога Виртембергскаго), род. 1771 г., † 1833 г., былъ съ 1800 г. въ Русской службѣ, состоялъ съ 1811 г. (какъ и послѣ войны 1812—14 гг.) Вѣлорусскимъ генераль-губернаторомъ, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812 и 1813 гг. (его корпусъ взялъ Данцигъ), а съ 1822 г. завѣдывалъ управленіемъ путей сообщенія и на этомъ поприщѣ сдѣлалъ много для умноженія и усовершенствованія нашихъ водныхъ и сухихъ путей. К. Г.

и во всей Бѣлоруссіи, высокому начальнику и близкому родственнику царскому, ни одинъ Жидъ не соглашался дать въ займы ста рублей безъ ручного залога, а заложить было нечего!!! Картинную галерею его высочества Жиды даромъ взять не согласились бы. Израильтяне любятъ, что потяжеловѣснѣе, что звучитъ и не боится огня. Народъ практикованный!

Наконецъ, за 24 часа до наступленія новаго, вѣчно для народа Русскаго незабвеннаго 1812 года, явился арендаторъ въ Витебскъ къ герцогу съ деньгами и я былъ отправленъ въ Петербургъ тотчасъ, какъ только герцогъ изволилъ сочинить письма къ Императору и Императрицамъ. Мнѣ было приказано пріѣхать въ Петербургъ въ двое сутокъ, выкупить брилліанты и доставить Императрицѣ. 627 верстъ разстоянія Витебска отъ С.-Петербурга я ѣхалъ 35 часовъ. Императоръ Александръ, когда я имѣлъ счастье поднести Его Величеству въ кабинетѣ письмо герцога, взглянувъ на число, не хотѣлъ вѣрить и изволилъ спросить меня два раза: „когда ты былъ отправленъ“. На докладъ мой: „вчера, Ваше Величество!“ Государь изволилъ сказать стоявшему предъ нимъ оберъ-гофмаршалу графу Н. А. Толстому: „Толстой, это не хуже нашего!“

Я остановился въ Петербургѣ у друга и родственника моего Василя Алексѣевича Плавильщикова *). У него увидѣлъ я и ознакомился съ Нѣмцемъ Литке, славнымъ типографщикомъ, который, по сдѣланному ему предложенію, собирался отправляться въ Астрахань для основанія тамъ типографіи. У г. Литке была 4-лѣтняя дочь, хороша какъ ангелъ, я ее бралъ на руки, игралъ съ нею, и она называла меня женихомъ.

Я поѣхалъ изъ Петербурга съ графомъ П. А. Строгановымъ въ дѣйствующую 1-ю западную армію. Несчастный Литке отправился съ семействомъ въ Астрахань. Казалось, случайная моя встрѣча, минутное мое знакомство съ г. Литке кончилось навсегда.

Я обрекъ себя на поприще военное, быть стрекулистомъ мнѣ никогда не приходило въ помышленіе, а быть мытаремъ, т.-е. служить по части таможенной никогда во снѣ не снилось!

*) В. А. Плавильщиковъ, братъ знаменитаго актера и писателя Петра Алексѣевича Плавильщикова, былъ извѣстный книгопродавецъ и библіографъ († 1823 г.) „Роспись“, библіотека котораго является одной изъ первыхъ у насъ библіограф. работъ. Онъ завѣщалъ свое дѣло (магазинъ и типографію) своему приказчику Смирдину, своему продолжателю.

Но судьбѣ было угодно заставить меня, вопреки желанія моего, поступить въ службу гражданскую и начать ее именно съ таможенной службы.

1817 года начальство, или г. министр финансовъ Гурьевъ, соизволилъ переставить меня въ третье мѣсто. Сначала опредѣлили меня въ Таврической губерніи; таможня Феодосійская, до пріѣзда моего никогда не собиравшая въ годъ пошлинѣ болѣе сорока тысячъ, подъ управленіемъ моимъ доставила пошлиннаго сбора въ годъ девятьсотъ тысячъ рублей! За это меня начали жать и давить съ верху, съ низу и съ обѣихъ сторонъ! Я оттерпчивался, стоялъ твердо, не перемѣняя методы управленія моего. Помнилъ завѣты покойнаго родителя, который, умирая, сказалъ намъ: „Вѣра Богу, вѣрность Царю, честность впереди всего“.— Нечего было дѣлать со мною. Меня министръ вызвалъ въ Петербургъ и по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ опредѣлилъ окружнымъ начальникомъ на Польской границѣ въ Брестъ-Литовскомъ. Здѣсь обличилъ помѣщиковъ Польскихъ въ явномъ ихъ промыслѣ, совокупно съ Жидами, въ потаенномъ провозѣ чрезъ границу товаровъ; обнаружилъ злыя ихъ намѣренія и помыслы къ отторженію отъ Россіи. Довелъ до свѣдѣнія, что всѣ военные начальники на границѣ содѣйствуютъ и споспѣшествуютъ въ тайномъ провозѣ товаровъ.

На ярмаркѣ въ м. Чеславницахъ (?) я самъ видѣлъ, какъ адъютанты генерала Винцегероде увозили запрещенные товары изъ лавокъ Жидовъ; остановить ихъ я не имѣлъ возможности. Герои, увѣнчанные славою и обвѣщенные знаками отличія за мужественные ихъ подвиги на полѣ чести, оградили себя жандармами, чтобы никто не мѣшалъ имъ производить безчестнѣйшее ремесло контрабанды!

Я былъ одинъ съ закономъ въ рукахъ и дозналъ при семъ случаѣ опытомъ, что сила моральная предъ силою физической ничтожна! За это министръ опять вызвалъ меня въ Петербургъ, опредѣлилъ при себѣ чиновникомъ по разнымъ порученіямъ и сказалъ: „вы, сударь, не умѣли ужиться съ прекрасными Польшами“.

Назначили меня въ Парижъ на мѣсто Жерве, я былъ уже совсѣмъ готовъ къ отъѣзду: отмѣнили. Приказали быть готову ѣхать въ Оренбургъ для изслѣдованія происшедшихъ беспорядковъ на заводахъ И. И. Пашкова. Но Пашковъ испугался назначенія моего и съ большими пожертвованіями упросилъ, чтобы вмѣсто меня назначили В. И. Болгарскаго. Ходатайство Пашкова было уважено, и Болгарскій, состоя еще подъ судомъ за грабежъ, произведенный имъ въ Вятской губерніи, когда былъ тамъ губернаторомъ, отправился съ И. И. Пашко-

вымъ въ Оренбургъ на заводы его, прикрылъ всё мерзости плюгаваго Пашкова, обвинилъ страдавшій народъ, возвратился въ Петербургъ съ полными карманами и Оренбургскими грѣхами смылъ грѣхи Вятскіе,—получилъ орденъ!

Меня министръ послалъ въ Астрахань начальникомъ новоучрежденнаго Астраханскаго таможеннаго округа. Я сдѣлался повелителемъ древняго Каспія; ключи отъ мѣдныхъ воротъ, построенныхъ Александромъ Македонскимъ, были мнѣ ввѣрены.

Въ половинѣ Октября 1817 года пріѣхалъ я въ Астрахань, гдѣ неожиданно узналъ, что добрый и честный нѣмецъ Литке доведенъ до крайняго разоренія и даже заключенъ въ тюрьму. По точномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла г. Литке, я узналъ, что онъ былъ обворованъ Армянами. Это ужасное племя! Греки и Жиды, столь славящіеся искусствомъ въ обманахъ и плутовствѣ, ничего не значать въ сравненіи съ Армянами. Въ Астрахани въ народѣ существуетъ пословица или поговорка, что Христось, будучи на землѣ, для сотворенія племени армянскаго, снисходя къ моленію апостоловъ, повелѣлъ девять Грековъ и десять Жидовъ истолочь въ ступѣ, выжать и изъ этихъ выжимковъ вышелъ Армянинъ!

Армяне у г. Литке обобрали болѣе ста тысячъ рублей капитала, и его же, съ помощью гг. стрекулистовъ, засадили въ тюрьму. Не безъ труда и не безъ пожертвованій было убѣжденіе мое у гг. астраханскихъ стрекулистовъ. Наконецъ, я былъ принужденъ сказать г. губернатору, что я доведу до свѣдѣнія высшаго начальства о превратномъ истолкованіи законовъ въ Астрахани. Это было на обѣдѣ у губернатора; на рыльцѣ у его превосходительства былъ также пушекъ. Онъ встревожился и спросилъ меня: „что это значить, А. М.?“ „То, ваше превосходительство, что въ цѣломъ мірѣ заключаютъ въ тюрьмы тѣхъ людей, которые берутъ деньги въ заемъ и не отдають, а у васъ въ Астрахани это дѣлають наоборотъ—заключаютъ въ тюрьму тѣхъ, которые дали деньги въ заемъ“. „Какъ это? Быть не можетъ!“ Я разсказалъ губернатору дѣло г. Литке. Его превосходительство приказалъ въ ту же минуту освободить несчастнаго, бранилъ секретарей, судей, прокурора, божился, что онъ вовсе не вѣдалъ о такомъ злодѣяннѣи и пр. и пр.

Г. Литке освободили, но онъ ничего уже, кромѣ сюртука, не имѣлъ! Въ продолженіе содержанія его въ тюрьмѣ несчастная жена его умерла отъ тоски, горя и бѣдности! У него было двое дѣтей, сынъ Петръ 12-ти и дочь Полина 9 лѣтъ. Сына взялъ къ себѣ аптекаръ для наученія его фармацевтикѣ: девятилѣтнюю дочь взялъ я на

мое попеченіе и помѣстилъ ее въ пансіонъ, котораго содержательница была вдова-капитанша, урожденная Итальянка.

Начали въ Астрахани отъ нечего дѣлать говорить и толковать о намѣреніяхъ моихъ относительно Полины. Мнѣ было досадно на подлецовъ, неспособныхъ благородно мыслить и, къ счастью Полины, худо обучали въ пансіонѣ Итальянки; дитя въ шесть мѣсяцевъ не научилось еще читать. Въ это время у брата Федора умерла жена, оставила ему трехъ малолѣтнихъ дочерей. Я написалъ ему о пріѣмышлѣ моемъ и просилъ его, если это не обременитъ его, позволить мнѣ прислать Полину къ нему съ тѣмъ, чтобы она была вмѣстѣ воспитана съ дочерьми его.

Спасибо Федору: онъ съ первою же почтою отвѣчалъ мнѣ, чтобы я прислалъ Полину и что она будетъ воспитана, какъ дочь, вмѣстѣ съ дѣтьми его. Я отослалъ Полину къ Федору въ Москву; онъ, еще спасибо ему, сдержалъ слово. Полина моя была научена Французскому, Англійскому, Нѣмецкому, Русскому языкамъ, писала на всѣхъ языкахъ лучше многихъ нашихъ писателей романовъ, изъяснялась на четырехъ діалектахъ, какъ на природномъ языкѣ; играла мастерски на фортепіано, пѣла прелестно, душу и тѣло имѣла ангельскія.

17 Апрѣля 1835 года я вступилъ съ Полиною въ законное супружество. Черезъ 9 мѣсяцевъ и 11 дней Всемогущій Богъ благословилъ супружество наше благостію: 28 Января 1836 года милая моя Полина разрѣшилась отъ бремени Ольгою моею. 11 Февраля святой волѣ Господа угодно было разлучить меня съ Полиною въ здѣшнемъ мірѣ! Онъ воззвалъ ее въ жилище безконечное!

Судьбы Всемогущаго несповѣдимы.

А. Т.

1837 года. Ноября 1 дня.
Москва.

Любезному другу В. А. Жуковскому.

Сообщилъ К. Я. Гротъ.

